

Достаточно и довольно: «память значения» в сочетаемости служебной лексики

Ольга Юрьевна Авдевина, Саратовская государственная юридическая академия
(Россия, Саратов), olga.rosauz@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170007621-2

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу причин и характера ограничений в употреблении производных частиц и некоторых других служебных слов. Автор пишет о том, что нормирование употребления слова направлено прежде всего на его семантическую или стилистическую валентность — способность сочетаться с другими словами. В случае с производной служебной лексикой или вторичными значениями многозначных слов сочетаемость определяется чаще всего не словарным значением, а традицией словоупотребления и целым рядом других факторов, в том числе влиянием значения производящего слова.

Объектом анализа ограничений сочетаемости выбраны производные частицы *достаточно*, *довольно* и некоторые производные предлоги: *благодаря*, *вопреки*, *несмотря на*. Специфика их функционирования состоит в актуализации оценочных компонентов значения, которые не всегда ощущаются говорящими, что приводит к смысловому диссонансу сочетающихся слов (например: *достаточно слабое развитие*).

Не все производные слова в равной мере сохраняют влияние производящих значений и традиции употребления, что обусловлено «возрастом» производного значения, спецификой функционирования того или иного слова и в целом динамическим характером лексического узуса. В связи с анализом этой особенности производной лексики автор ста-

вит вопрос об объеме, источниках и фиксации лексических норм языка и о «памяти значения» как особом проявлении взаимодействия языка и речи. Практическая направленность данного исследования заключается в декларировании необходимости учета этого аспекта словоупотребления при изучении норм, обучении нормам и формировании языковой компетенции в области лексической сочетаемости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: частицы, производное слово, десемантизация, сочетаемость, норма словоупотребления, узус, «память значения», языковая компетенция

для цитирования: Авдевина О. Ю. *Достаточно и довольно: «память значения» в сочетаемости служебной лексики* // Русская речь. 2019. № 6. С. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170007621-2.

Issues of Modern Russian Language

Dostatochno and *Dovol'no*: “Memory of Meaning” in Function Words Compatibility

Olga Yu. Avdevnina, Saratov State Law Academy (Russia, Saratov), olga.rosauz@gmail.com

ABSTRACT: This paper analyzes the causes and the nature of the restrictions related to the use of derivative particles and other function words. The author states that normalization of word usage is primarily targeted at its semantic or stylistic valency, i.e. its ability to collocate with other words. When it comes to derivative function words and secondary meanings of polysemous words, collocational compatibility is usually determined not by the dictionary meaning but by the usage tradition and a number of other factors, including the influence of the producing words. The compatibility restrictions are examined through the example of the derivative particles *dostatochno* [enough], *dovol'no* [quite] and the derivative prepositions: *blagodarya* [thanks to], *vopreki* [despite], *nesmotrya na* [in spite of].

The specific feature of their functioning is the foregrounding of the evaluative meaning component, which is not always perceived by the speaker and sometimes leads to semantic compatibility dissonance (e.g. *dostatochno slaboe razvitie* [weak enough development]). Not all derivatives equally retain the influence of their producing meanings and traditional usage. The extent of the influence depends on the "age" of the derivative meaning, which is evidenced by the dynamic nature of the lexical usus. The analysis of this feature of the derivative lexis has prompted the author to further determine the scope, the sources, the fixation of lexical norms and the "memory of meaning" viewed as manifestation of a special interaction between language and speech. The practical goal of this study is to declare a need to account for the 'memory of meaning' in functional particles when investigating language norms or teaching these norms and building language competence in the field of lexical compatibility.

KEYWORDS: particles, derived word, desemantization, compatibility, norm of usage, word usage, "memory of meaning", language competence

FOR CITATION: Avdevnina O. Yu. *Dostatochno and Dovol'no*: "Memory of Meaning" in Function Words Compatibility. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2019. No. 6. Pp. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170007621-2.

Одна из простейших классификаций норм литературного языка связывает их разновидности с функционированием языковых единиц: фонетических (орфоэпические нормы), лексических (лексические), грамматических (грамматические), синтаксических (синтаксические). При этом норма как исторически сложившееся и социально закрепленное предпочтение одного из вариантов реализации языковой единицы предполагает возможность дескрипции этого варианта, *правильного* с точки зрения нормы, т. е. формулирования *правила*, которое должно содержать описание дифференциальных признаков правильного варианта, условий его употребления, отграничения от вариантов *неправильных* и т. п.

Большинство из названных выше разновидностей языковых норм легко поддаются такой вербальной фиксации в форме правила — предписания того, как «надо...»: ставить ударение, произносить согласный звук, выбирать форму множественного числа существительного или склонять числительные и т. п., что значительно облегчает изучение этих норм. Труднее всего с так называемыми *лексическими нормами*, обучение кото-

рым строится обычно на анализе не того, как «надо», а того, как «нельзя» употреблять слова, на изучении разновидностей *лексических ошибок* (тавтологии, плеоназма и т. п.), которые получают более адекватную дескрипцию, чем сами нормы.

Трудность фиксации этих норм заключается, на наш взгляд, прежде всего в их объективации: определении *объекта* и аспекта кодификации и дескрипции. Так, во-первых, учитывая объективную сторону регулирования употребления слова, сами нормы точнее будет называть не *лексическими*, а *нормами словоупотребления*, поскольку кодифицируется не слово как единица языка, «словаря», лексической системы, а его функционирование в речи. И во-вторых, очевидно, что для дескрипции норм словоупотребления должны быть выбраны не ошибки, а те аспекты функционирования языковых единиц, которые характеризуются трудностью и вариантностью словоупотребления. Одним из таких аспектов является *сочетаемость*¹, обусловленная теми или иными системно-языковыми закономерностями или узусом слова — сложившейся в речевой практике традицией его употребления. Именно этому аспекту кодификации словоупотребления на материале специфической группы слов — производной служебной лексики — и посвящена данная статья.

Речь пойдет прежде всего о производных частицах, употребление которых иногда производит впечатление дурновкусия, языковой некомпетентности, речевого автоматизма и неконтролируемости оформления мысли. К таким неоднозначным в плане употребления словам относится частица *достаточно*. В современной речи она чрезвычайно популярна, но отдельные примеры ее использования «режут слух»: *Купаться в сентябре здесь уже нельзя: вода достаточно холодная; Здание достаточно старое, требует ремонта; Мы перед собой видим достаточно заросший пустырь; Детям это блюдо не рекомендуется — оно достаточно острое*. Смысловой диссонанс очевиден: *достаточно для чего? Для того, чтобы не купаться? Не жить в этом здании? Не есть это блюдо?* Такая реконструкция подтекста употребления слова выглядит отчасти абсурдно, так как имплицитно (по производящему значению) слово относится не к отрицанию действия и не к негативному признаку, а к утверждению действия

¹ Объектами кодификации словоупотребления становятся, по нашим наблюдениям, следующие аспекты его лексической характеристики: 1) объем значения (характер обозначаемых понятий, многозначность и т. п.); 2) сочетаемость слова; 3) семантический объем, сочетаемость и стилистическая ограниченность *заимствованных слов*; 4) реализация лексической парадигматики (омонимии, синонимии, антонимии, паронимии и т. п.); 5) объем значения и специфика употребления *фразеологизмов*. Это и есть классификация *норм словоупотребления*, основанная на фиксации вариантов реализации лексических единиц и выделении и дескрипции «правильностей» и «правил» этой реализации.

или положительному признаку: *Вода достаточно холодная — ее можно использовать для приготовления кофе; Блюдо достаточно острое, как Вы любите* — и т. п.

Большое количество некорректных употреблений (*достаточно* с отрицанием действия или с негативным признаком) содержат и материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), который в последнее время стал источником изучения узуса той или иной лексической единицы:

В обучении в школе есть свои плюсы, да даже возраст, когда мы там учимся, наиболее беззаботный. Но нагрузка порой бывает достаточно тяжелой (Форум: Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы. Где в итоге лучше и почему? 2011); *Сейчас государство имеет достаточно расплывчатое представление о своих приоритетах в здравоохранении* (Г. Костина. Государство против рака // Эксперт. 2015); *В Easy Tiger говорят, что целевая аудитория пока достаточно размыта: клиенты есть самые разные — и по возрасту, и по доходам* (Л. Калянина, В. Кузьмина. Мы привязаны к человеку и его потребностям // Эксперт. 2015); *Рынок проектного финансирования в России всегда был развит достаточно слабо* (А. Романова. Бычка за рога // Огонек. 2015); *При этом произошли достаточно драматические события в самой отрасли* (И. Сечин. Есть ли альтернатива сценарию «50-60»? // Эксперт. 2015); *Потенциал сланцевой нефти или «нефти низкопроницаемых коллекторов» достаточно ограничен* (И. Сечин. Есть ли альтернатива сценарию «50-60»? // Эксперт. 2015); *Американцы шумно праздновали свой первый самостоятельный успех под Сен-Мийелем 10–15 сентября, хотя неопытность их солдат стоила достаточно крупных потерь* (Л. Ланник. Германия-1918: рывок к победе и осенняя катастрофа // Эксперт. 2014); *Не то чтобы французы опасались итальянской армии — ее боеспособность была достаточно невысокой* (Г. Мирзаян. Вынужденное согласие // Эксперт. 2014) и т. п. [НКРЯ]. Судя по частотности таких употреблений, можно с сожалением констатировать, что они вошли в узус частицы *достаточно*.

Ситуацию не изменяют даже художники слова: подобные примеры хотя и не так часто, но встречаются и в художественной литературе, которая всегда признавалась одним из авторитетнейших источников литературной нормы: *Работа была достаточно глупая, но руководители кафедры, да и я, не сразу об этом догадались* (Ф. Искандер. Должники. 1968); *Да кого же, черт возьми, какую кожаную куртку, какого стального комиссара играет эта пожилая, издерганная и, видимо, достаточно несчастная женщина?* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 1. 1964) и т. д. [НКРЯ]. Автоматизм таких употреблений в художественных произведениях проявляется не столько в том, что их много, сколько в том, что их частотность связана с именами одних и тех же писателей: Ю. О. Домбровского, Ф. Искандера, а также в том, что слово *достаточно* используется ими чаще всего в роли именно частицы — периферийного в смысловом отношении лексического сред-

ства, и поэтому вряд ли на него была направлена авторская художественная рефлексия, строго регулирующая отбор художественных средств.

Кроме некорректности реализации в тех или иных сочетаниях внутренней формы («достаточно для чего?»), проблема функционирования этой частицы заключается еще и в том, что она употребляется в современной речи слишком часто, становится своеобразным «сорняком» в речи отдельных людей. Например, в одной из передач по кулинарии телеведущая использовала это слово более десяти раз на небольшом отрезке речи: *достаточно соленый, достаточно свежий, достаточно влажный, достаточно сочный, достаточно интенсивно помешивая, достаточно мягкое тесто, раскатать достаточно тонко, достаточно крупная соль* и т. п.

Вопрос в том, являются ли приведенные выше употребления, которые мы расценили как некорректные, действительно нарушением нормы (и нормы какой?) или это снобизм и дидактические придирки филологов? В истории отдельных слов и лексической системы в целом нередко отмечаются такие случаи, когда некоторые сочетания получают широкое распространение и переходят затем в норму, но долгое время не принимаются в качестве правильных языковедами или чуткими к слову мастерами словесности. Так, Л. П. Крысин упоминает, например, о раздражении по поводу употребления наречия *обязательно* (вместо *непреренно*) в контекстах типа *обязательно поколотит* (с внутренней формой *обязан что-либо сделать*), которое высказывал знаменитый юрист, судебный оратор А. Ф. Кони, и о неприятии слова *волнительно* К. И. Чуковским [Крысин 2008: 210–217]. Попробуем же разобраться в ситуации с частицей *достаточно*, сравнив ее с аналогичными явлениями русского языка.

Начнем с того, что *достаточно* относится к группе частиц, производных от наречий или прилагательных, выполняющих усилительную функцию: *довольно, совершенно, абсолютно, ужасно, крайне, практически* и т. д.²: *довольно скучно, совершенно правильно, абсолютно неверно, ужасно интересно, крайне важно*. Их отличает свойственная всем производным служебным словам десемантизация — полная или частичная утрата полноценного лексического значения³, — знаменующая их переход в разряд служебных слов, в данном случае — средств выражения той или иной степени признака. Поэтому возникает впечатление, будто слово может от-

² Оставим в стороне вопрос об омонимии частицы и наречия. В ряде употреблений анализируемых слов это только проблема грамматической квалификации слова, определения его члестеречного статуса и синтаксической роли. Эффект частичной десемантизации и метафоризации значения свойственен в ряде случаев и тем, и другим.

³ Под полноценным значением знаменательного слова обычно понимается значение, независимое от контекста употребления и от значения сочетающегося с ним слова. Служебные слова получают свое значение только в сочетании с другими словами.

носиться к любому признаку, сочетаясь с любой признаковой лексикой свободно, без всяких ограничений.

Однако при простом варьировании употребления, например, таких частиц, как *ужасно* или *крайне*, сохраняющих следы негативных ассоциаций, мы можем убедиться, что впечатление о свободе сочетаемости частиц с разными признаками ошибочно. Например, *ужасно интересный*, *любопытный* уместно для выражения эмоциональных субъективных впечатлений о чем-либо, чаще всего поверхностных, но трудно себе представить употребления типа: *ужасно глубокая концепция*, *ужасно разносторонние познания*. Употребление слова является ограниченным не только семантически, но и стилистически.

Те же ограничения и у частицы *крайне*: *крайне важно*, *крайне необходимо*, *крайне любопытно*, мыслит *крайне узко*, но не *крайне умно*, *крайне весело*, *крайне широко*, *глубоко* и т. п. И дело не только в метафорическом «крае», который совместим или не совместим с тем или иным признаком, но и в традиции, в том числе и стилистической, употребления этого слова.

Возвращаясь к слову *достаточно*, укажем, во-первых, на то, что словарь не препятствует широкой сочетаемости слова с обозначением разных признаков. Так, у слова *достаточно*, употребляющегося в функции частицы, фиксируется значение 'в значительной степени', безотносительно к характеру признака, хотя иллюстрируется оно в словарной статье употреблением слова с положительным признаком: *достаточно умный* [Кузнецов (гл. ред.) 2008].

Сама же частица с этим ее значением производна от наречия/предикатива со значением по прилагательному *достаточный*: 'удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям' [Кузнецов (гл. ред.) 2008]. И, как свидетельствует словарь, частица, наречие и их значения еще не разошлись по разным словарным статьям, не стали полными омонимами, а сохранили связь в составе одного многозначного слова. Следовательно, значение частицы может сохранять влияние значения наречия, в котором есть имплицитная установка на сочетаемость по признаку «удовлетворяющий потребностям...», т. е. на сочетаемость с признаком, воспринимающимся как положительный.

Действительно, даже в НКРЯ таких сочетаний гораздо больше, чем тех, которые мы расценили как некорректные:

И главное, кризис 1998 года показал, что наша политическая система достаточно стабильна (А. Ивантер, В. Мау. Качественный рост с опорой на институты // Эксперт. 2014); *Дополнительного притока денег нет, а зарплата уже достаточно высокая* (А. Ивантер, В. Мау. Качественный рост с опорой на институты // Эксперт. 2014); *Если режиссер ощущал прочность собственного авто-*

ритета, выслушивал комплименты по поводу балета или срывал громкое одобрение соратников, то становился **достаточно бодр и даже игрив** (А. Снегирев. Вера. 2015); *Но вокруг было не тихое подполье конца 1950-х — начала 1960-х годов, а достаточно бурная и активная жизнь* (Б. Любимов. Три главные темы в жизни — Церковь, литература и театр. 2015); *Штрум попросил Соколова помочь ему, — он не чувствовал себя достаточно уверенным в этой области математики* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 1. 1960); *Однако гипотеза Шмидта не смогла дать достаточно обоснованного ответа на главный вопрос о происхождении первоначального газопылевого облака* (И. С. Шкловский. Из истории развития радиоастрономии в СССР. 1960) и т. д.

По нашим наблюдениям, выбор слова *достаточно* в «ошибочных» случаях обусловлен его паронимастической схожестью с частицей *довольно*, которая тоже обозначает некоторое превышение мыслимой меры признака, но ее связь с производящим наречием (*взглянул довольно и весело*) и прилагательным *довольный* менее ощутима, чем у слова *достаточно*, может быть, потому, что ее употребление, согласно материалам НКРЯ, гораздо «старше», чем употребление частицы *достаточно*. В ряде случаев (конечно, не во всех) слово *достаточно* вполне можно заменить словом *довольно* без ущерба для смысла и языкового вкуса: *Вода в реке уже довольно холодная; Работа была довольно глупая; Блюдо довольно острое; Нагрузка довольно тяжелая* и т. п. Но и при такой попытке редактировать контекст мы тоже можем встретиться с сопротивлением внутренней формы слова (в виде следов производящего значения). Так, трудно себе представить сочетания типа *довольно несчастная женщина* или *довольно грустная картина*: близкое соседство антонима «оживляет», актуализирует значение «материнского» прилагательного *довольный*: «испытывающий чувство удовольствия, удовлетворения, выражающий чувство удовольствия» [Кузнецов (гл. ред.) 2008], ассоциативно связанное с радостью и другими позитивными эмоциями.

Какие же признаки тех или иных употреблений частицы *достаточно* могут служить маркерами их правильности? Помимо названной выше и проиллюстрированной примерами закономерности сочетания с положительным признаком, «правильные» контексты, так или иначе, отражают динамичность признака «удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям», которая легко может быть проверена с помощью подстановки слов *уже* или *еще*. Ср.: *И главное, кризис 1998 года показал, что наша политическая система уже (еще) достаточно стабильна; Но вокруг было уже не тихое подполье конца 1950-х — начала 1960-х годов, а достаточно бурная и активная жизнь; Однако гипотеза Шмидта уже (еще) не смогла дать достаточно обоснованного ответа на главный вопрос...*

«Неправильные» контексты обычно такой подстановке сопротивляются: *Но нагрузка порой бывает уже (еще) достаточно тяжелой; Работа была уже (еще) достаточно глупая; Какого стального комиссара играет эта пожилая, издерганная и, видимо, уже (еще) достаточно несчастная женщина?*.. Но прием подстановки частиц *уже, еще* нельзя считать абсолютным, потому что они могут быть несовместимы с другими элементами контекста: глагольными формами времени, обозначением временных понятий и т. п. Лучше ориентироваться на внутреннюю форму производящего слова — значение наречия *достаточно* ('удовлетворяющий условиям, потребностям'), оппозицию 'положительный/негативный признак' и общее содержание контекста.

В заключение следует обратить внимание на то, что случаев актуализации значения производящего слова в слове производном, служебном, подвергшемся полной или частичной десемантизации, в языке очень много. Этой тенденцией отмечено функционирование прежде всего служебной лексики, например предлогов *благодаря* (коррелятивный союз *благодаря тому что*), *согласно* (оба предлога сочетаются с обозначением события, воспринимаемого как положительное), *вопреки* (с названиями антропологических понятий, речевых произведений, ментальных событий, чаще всего негативных: *вопреки угрозам, запретам, плохому предчувствию* и т. п.; некорректно: *вопреки свободе, радости, дождю, хорошей погоде*), *несмотря на* (коррелятивный союз *несмотря на то что*; сочетается с обозначениями негативных событий, воспринимаемых как испытания: *несмотря на болезнь, несмотря на то что долго враждовали*; но не совсем корректно: *несмотря на хорошее самочувствие, дружбу, мир, радость* и т. п.)⁴.

Тенденция к внутреннему ограничению сочетаемости по производящему значению активна в сфере производных значений слов не только служебных, но и знаменательных. Так, Г. И. Кустова демонстрирует это явление на примере вторичных отвлеченных значений некоторых групп

⁴ Конечно, вывод о некорректности употреблений предлогов *вопреки, несмотря на* и т. п. во многом зависит от широкого контекста формирования противопоставления, от того, насколько оно (это противопоставление) актуализировано в общей смысловой структуре текста или высказывания. Так, отдельные примеры употребления этих предлогов со значениями позитивной эмоции могут быть расценены как вполне корректные: *Вопреки радости окружающих, ей казалось, что произошло нечто ужасное; Несмотря на хорошее самочувствие, выступить она отказалась*. Если предположить, что центром информации в первом случае была не принятая героиней *радость окружающих* или ее необъяснимые предчувствия, а во втором — поиск любых поводов *не выступить*, то употребление предлогов следует признать оправданным. Но это несколько не противоречит концепции «памяти значения», согласно которой следы значения производящего слова и былых его употреблений только *проступают* (когда более явственно, когда — менее) в функционировании производного слова, а «некорректное» не значит «ошибочное».

глаголов. Она пишет о том, что главной закономерностью развития абстрактных, служебных значений слова, *абстрактивизации* лексической семантики, «семантического выветривания» [Кустова 2004] является возникновение противоположной тенденции, которую можно назвать «памятью значения». Она заключается в сохранении производными значениями специфических признаков исходного значения [Там же: 199]. Именно это свойство сохранять следы семантики производящего слова препятствует слишком свободной сочетаемости слова: «Сочетаемость производных, абстрактных значений определяется не реальностью... а семантической системой языка. Их сочетаемость надо знать (а иностранцам запоминать)... Вместо ожидаемой широкой сочетаемости абстрактных значений чуть ли не со всем словарем, мы имеем очень узкую и ограниченную сочетаемость этих абстрактных значений, задаваемых списком, хотя и мотивированную» [Кустова 2004: 200].

Во многом эти семантические элементы, влияющие на сочетаемость, субъективны, они актуализируют оценочность и формируют коннотацию слова, потому что «вообще производные значения, к какой бы ситуации они ни относились, содержат много информации о человеке — его системе предпочтений, типах реакций и т. п. И это не удивительно. Ведь абстрактные объекты и ситуации, которые описываются абстрактными значениями, — это сфера человека... Специфичные компоненты исходного значения, которые стимулируют развитие производных значений, характеризуют не столько ситуацию (конкретную или абстрактную), сколько человека» [Там же: 208]. Этим объясняется и эффект «сорняка», тенденции речевого автоматизма и бессознательных предпочтений, в которые вовлечено и слово *достаточно*.

Упражнения на ограниченную сочетаемость в аспекте «памяти значения» во множестве содержатся в учебниках по культуре речи, в материалах с «лексическими ошибками»: *Ряд совместных предприятий продолжает этот вид деятельности, что способствует потере производства в качестве и отделке тканей. Первые годы перестройки положительно сказались на жилищном строительстве. Благоприятно сказался для промышленников Указ императора Павла I. Как опыт западных стран, так и отечественная практика богаты фактами разорения и краха не только мелких предприятий, но и крупных заводов. Есть возможность тяжелых осложнений. Многочисленные стихийные базары значительно обезобразились. Страх понести наказание за нетрудовые доходы вызвал к жизни подстановку в число учредителей вымышленных людей* [Володина и др. 2012: 174–175].

В список слов с ограниченной сочетаемостью вследствие «памяти значения» попадают некоторые глаголы, например: *способствовать* (только положительному действию: *росту производства, повышению качества,*

миру, налаживанию отношений и т. п.); *сказаться на* (о причинах негативных событий-следствий: *Годы разлуки сказались на их отношениях: они стали чужими людьми*); *демонстрировать* (осознанное, целенаправленное, положительное или отрицательное: *продемонстрировать свою позицию, характер, равнодушие, неравнодушие*; некорректно: *Студент на экзамене продемонстрировал незнание предмета*, — потому что нельзя *продемонстрировать*, т. е. специально показать то, чего нет, — ноль, отсутствие знаний); *обнаружить* (бессознательное, бесформенное, негативное: *Студент обнаружил неготовность к экзамену и т. п.*). «Память значения» определяет сочетаемость и некоторых отвлеченных существительных, например: *возможность* (чего-то положительного), *опасность* (негативного). Некорректно: *Есть **возможность** возвращения тайфуна; Существует **возможность** обострения отношений* (вместо *вероятность, опасность*).

Говоря о семантических и социолингвистических факторах неявно-ограничения сочетаемости слов, Л. П. Крысин предлагает относиться внимательнее не только к семантике слова, но и к его истории, узусу и социальным условиям употребления [Крысин 2008: 120–124]. Совершенно очевидно, что процесс овладения нормой сочетаемости слов, наряду с развитием навыка использования конкретных слов (быть может, даже на основе анализа лексических ошибок — см. выше), включает в себя еще и формирование общей языковой компетенции в этой сфере: устойчивого внимания к многозначности слова, его семантической, историко-этимологической глубине, стилистического чутья, навыка распознавания аксиологического потенциала слова и всего того, что дополняет и обогащает навык нормативного словоупотребления.

Литература

- Володина Н. С., Иванова А. Ю., Клюев В. С. и др. Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник. Практикум. М.: Флинта: Наука, 2012. 320 с.
- Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с. (Studia philologica).
- Кузнецов С. А. (гл. ред.). Новейший большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, М.: Рипол классик, 2008. 1536 с.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с. (Studia philologica).
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.11.2018).

References

- Krysin L. P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh. Ocherki o russkoi leksike i leksikografii* [Word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian vocabulary and lexicography]. Moscow, Znak Publ., 2008. 320 p. (Studia philologica).
- Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived values and language extension mechanisms]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 472 p. (Studia philologica).
- Kuznetsov S. A. (ch. ed.). *Noveishii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The newest large dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg, Norint Publ., Moscow, Ripol klassik Publ., 2008. 1536 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 23.11.2018).
- Volodina N. S., Ivanova A. Yu., Klyuev V. S. *Kul'tura ustnoi i pis'mennoi rechi delovogo cheloveka: Spravochnik. Praktikum* [Culture of speech and writing business person. Directory. Practical work]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012. 320 p.